
Кассандра Лэйтс
Неизбежность.
Книга 2
Содержит нецензурную брань
18+

Кассандра Лэйтс

Неизбежность. Книга 2. Одержимость

https://litres.ru/74710459
SelfPub; 2026

Аннотация

Мне двадцать один год и я думал, что знаю, что такое власть. Я ошибался.

Меня зовут Диамант, герцог Валентайн. Глава Священной Инквизиции, правитель Колтрейна, человек, чьё имя произносят шёпотом. Я привык, что люди ломаются под моими руками. Что боль — это искусство, а наслаждение — лишь ещё один способ подчинить.

А потом в моих подземельях оказалась Сильвана Этвуд.

Дочь мятежника. Девушка с платиновой косой и зелёными глазами, в которых не было страха — только ненависть. Ей было девятнадцать. Я пытал её, желая сломать. Я дал ей клеймо, ошейник и место у своих ног. Я думал, что она станет очередной игрушкой, которую я изучу и отброшу.

Но она не сломалась. Она приняла мою тьму — и ответила своей.

Чем дольше она рядом, тем чаще я ловлю себя на том, что смотрю на неё не как на пешку. Она видит во мне то, чего не видят

другие. И это пугает меня сильнее, чем любая война. Я не знаю, чем закончится эта партия. Знаю только, что впервые в жизни я не хочу, чтобы она заканчивалась.

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Неизбежность. Книга 2. Одержимость

Глава 1

КНИГА 2
ОДЕРЖИМОСТЬ

И всё получится, и всё завертится,
Сначала весело, потом повесишься,
И всё завертится, петля закрутится,
Сначала стерпится, потом полюбится.
Группа Агата Кристи

Глава 1

«Она хотела узнать его душу. Он предложил начать с тела — и посмотреть, как далеко она готова зайти».

Сильвана
1

Я смотрела во двор Рокуэлла и не видела его.

Пальцы рассеянно гладили бархат шторы. Ткань отзывалась под ладонью вкрадчивой, почти живой мягкостью. И это прикосновение казалось насмешкой: за стеклом реальность

сжимала сердце в тиски, не давая вздохнуть, а здесь всё дышало покоем и роскошью.

За окном сгущались сумерки, небо наливалось пурпуром и тёмным золотом. Кровь и золото. Метафора отдавалась внутри колотой раной. Острой и неожиданной.

Воспоминания накрывали без спроса: я снова видела их спины. Прямые, несгибаемые. Стражники уводили отца и Теда. Отец не оборачивался, но я чувствовала его взгляд затылком. Он жёг сильнее всякого клейма: разочарование, боль, любовь, которая уже не могла ничего исправить.

Я вспоминала его лицо: осунувшееся, бледное, с потухшим взглядом. Как он поднял руку, будто хотел что-то сказать, — и опустил. Как сгорбились его плечи, словно на них разом обрушилась вся тяжесть прожитых лет. Он не винил меня. И от этого было не легче, а тяжелее. Потому что его любовь была без условий. А моя — с условиями. С одним главным условием, у которого было имя.

Тед.

Я вспоминала, как он сжал кулаки, когда понял, что я не поеду. Как его голос сорвался на крик не от злости, а от боли. Он любил меня по-настоящему. Той любовью, которой я не заслуживала. И от осознания этого в груди разрасталась чёрная, холодная пустота.

Его слова, резкие, как удар хлыста, звучали во мне: «Ты променяла всё, за что боролась, и всё, во что верила, на член красавца Инквизитора». Я вздрогнула, обхватила плечи ру-

ками. Слова всё ещё были здесь, внутри. Въелись глубже, чем хотелось. Разъедали, как кислота.

Пальцы дрожали. Я сжимала их в кулаки до боли, до побелевших костяшек. Но даже в этой боли не было сомнений. За словами Теда, за его яростью и обидой я не слышала ничего, что заставило бы меня повернуть назад. Он говорил о предательстве, о борьбе, о том, во что мы верили. А я слушала и не чувствовала ничего, кроме усталости.

Всё, за что он боролся, осталось там, в прошлой жизни. В жизни, где я была дочерью мятежника и невестой героя. В жизни, которой у меня больше нет.

А потом — Диамант. Его лицо. Бесстрастное, почти скучающее. «Мы увидимся позже». Ровно. Пусто. Так, словно я только что не перечеркнула собственную жизнь одним решением.

Но даже тогда, стоя посреди этой чужой роскоши, я не чувствовала себя предательницей. Не перед ними. Не перед собой. Это не каприз, не слабость, не помутнение рассудка. То, что сидело внутри, было глубже любых объяснений. Оно пустило корни, и я не могла его вырвать. И, если честно, больше не хотела.

Я не знала, как назвать это чувство: тёмное, тягучее, как мёд, смешанный с полынью. Похожее на голод. Не тела — чего-то более древнего, более отчаянного. Я хотела быть рядом с ним. Не просто в его постели — рядом: слышать его голос, видеть, как он смотрит на меня. Даже когда он злился,

особенно когда злился, я чувствовала себя живой.

Говорить Диаманту о чувствах бесполезно. Я понимала это с ледяной ясностью: он видел во мне украшение, забавную зверушку, трофей, который можно сменить, когда наскучит. Его мир был построен на расчёте и власти, на плотских удовольствиях, которые он брал и отшвыривал, не оглядываясь.

И всё же я позволяла себе это мгновение: закатные отблески на стенах, запах воска и лаванды, тишина, в которой можно дышать, пока он не решил, что я исчерпала свою полезность.

Раздался тихий стук в дверь. Сердце пропустило удар, потом ещё один. Быстрый, рваный, как птица, бьющаяся о прутья клетки. Я сделала вдох, провела ладонью по юбке. Машинальный жест, попытка собраться.

Служанка склонила голову:

— Госпожа, Его Высочество ожидает вас на ужин.

В груди вспыхнуло что-то. Надежда? Страх? Болезненный симбиоз того и другого.

Я кивнула и вышла в коридор. Полумрак. Свечи роняли дрожащие блики на камень. Каждый шаг отдавался гулким эхом.

Я была пленницей в этом замке. Но пленницей по собственной воле: Диамант не удерживал меня, я выбрала сама. И от этого становилось ещё страшнее. Но страх был странный — он не сковывал, а подстёгивал, разгонял кровь, за-

ставлял сердце биться чаще, а кожу острее чувствовать каждое прикосновение воздуха.

Я шла к нему, и внутри всё сжималось в тугой, горячий узел. Я не знала, что он скажет, не знала, что сделает, не знала, станет ли этот вечер очередной игрой или чем-то другим. Но я хотела увидеть его.

У двери в столовую я остановилась. Сжала кулаки. Пульс бился в висках и в кончиках пальцев. Глубокий вдох. Плечи расправлены.

Я толкнула дверь. Решительно, без колебаний. И переступила порог.

Впереди неизвестность, полная ловушек. Но где-то глубоко, под страхом и стыдом, теплилась упрямая мысль: если он посмотрит на меня так, как вчера в спальне и сегодня утром, я буду бороться. За то, что между нами. За шанс, который ещё не угас.

2

Столовая встретила меня холодным величием. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, а массивные колонны из серого камня тянули ко мне длинные угловатые тени — не защитить, а испытать, словно хотели схватить за плечи и столкнуть в пропасть. Воздух здесь был другой: плотный, прохладный, пропитанный запахом старого дерева, воска и чуть горьковатого дыма. Я вдохнула, и он осел на языке, как пепел.

По стенам, обшитым тёмным дубом, висели гобелены с

выцветшими сценами охоты. Всадники и гончие застыли в вечной погоне и, казалось, следили за каждым моим шагом. Оценивали, готовились вынести приговор.

В центре зала, точно остров в ледяном море, стоял длинный стол из чёрного дерева, отполированный до зеркального блеска. Свечи в высоких серебряных подсвечниках роняли на его поверхность дрожащие блики. Свет пульсировал, создавая иллюзию жизни в этом царстве камня и тишины.

Диамант сидел в резном кресле с высокой спинкой, будто на троне. Чёрная шёлковая рубашка с серебряной вышивкой делала его частью мрачного интерьера. Такой же неприступный, словно высеченный из того же камня, что и колонны.

Когда я переступила порог, он медленно поднял взгляд. В его глазах мелькнуло что-то среднее между интересом и насмешкой. Холодный, расчётливый блеск. Он уже знал, что произойдёт. Он всегда знал. А я лишь пешка в его партии.

Кивком он указал на кресло напротив. Не приглашение. Приказ, облечённый в форму вежливости.

Я сделала несколько шагов. Ткань платья скользнула по бёдрам, и это лёгкое, почти незаметное прикосновение отдалось в позвоночнике. Под тонким шёлком пробежала дрожь. Не от холода. От напряжения. Каждое движение отдавалось гулким эхом, и стены, казалось, шептали: «Ты здесь чужая».

Села. Сжала край юбки. Пальцы предательски подрагивали. Я сидела неестественно прямо, вытянувшись в струну, будто ждала удара.

Диамант неспешно наполнил бокалы. Тёмно-рубиновое вино лилось с громким, почти оглушительным звуком. Капли падали в бездну. Я слышала, как оно ударялось о стекло, как потрескивали свечи. Каждый звук казался обострённым, слишком близким, слишком настоящим.

Он протянул мне бокал.

— За встречи, которые оставляют след.

Я почувствовала, как следы от плети запульсировали под платьем. Не болью. Жаром, словно его слова разбудили их. Хрусталь обжёг пальцы холодом. Я подняла глаза. Но его взгляд был непроницаем. Замёрзшее озеро: попробуй загляни под поверхность — и бездна поглотит без следа.

— Любопытно, — произнёс он. — Что оба наших… значимых момента связаны с игрой в насилие. Первый и последний. Скажи, Сильвана, какой из них тебе понравился больше?

Щёки вспыхнули. Жар разлился по скулам, спустился к шее, замер в ямке между ключиц. Я опустила взгляд на вино, прячась за рубиновой гладью. Смотрела на его пальцы, обхватившие бокал. Длинные, унизанные перстнями. Пальцы, которые знали моё тело лучше, чем я сама. И от этой мысли по спине пробежал озноб.

Бокал в моей руке дрогнул, но я заставляла себя не отводить глаз. Воспоминания нахлынули безжалостно: первый раз — страх, сковывающий каждую мышцу, мир, сузившийся до размеров комнаты, где он был богом, а я жертвой. Се-

годня утром — иное: страх, смешанный с чем-то опьяняющим. Я переступила черту и обнаружила, что за ней — неизведанное, опасное, манящее.

— Оба, — ответила я тихо, но твёрдо. — Но сегодня… я не боялась так, как в первый раз.

Диамант усмехнулся краешком губ. Без тени тепла. Его пальцы замерли над столом. На мгновение мне показалось, что он хотел коснуться моего запястья, оставить ещё один след. Но он лишь постучал по столу. Незначительный жест. И вдруг он сказал мне больше слов: он ждал. Не просто ответа. Подтверждения, что я готова идти дальше. Принять правила.

— Значит, прогресс.

Он поднял бокал, так что свет свечи превратил вино в расплавленное золото.

— Тогда выпьем за жёсткий секс. За то, что ломает границы и открывает новые грани.

Бокалы соприкоснулись с тихим, почти интимным звоном. Этот звук отозвался в груди, пробежал вибрацией по позвоночнику. Вино обожгло горло. Терпкое, густое, с привкусом вишни и дыма. Тепло растеклось по венам. Плечи расслабились. Сердце перестало колотиться так отчаянно.

Я не отводила взгляда: игра только начиналась.

— Но я надеюсь, ты поняла по вчерашнему разу, — продолжил он.

Его холодные глаза скользнули по моей фигуре. Я вздрогнула: следы от плети пульсировали под платьем тупой, слад-

кой болью. Запретный плод, который я сорвала сама, зная, что он отравит.

Он подался вперёд. Дыхание стало глубже и напряжённее. Я чувствовала его запах. Гвоздика, корица, что-то ещё, тёмное, тёплое, отчего низ живота сжимался.

— Это всего лишь лёгкое развлечение, — произнёс он. — И если уж ты решила остаться, я проведу тебя дальше. Настолько, насколько ты будешь способна, разумеется. Твой предел я вчера примерно понял, так что об этом не беспокойся.

Он холодно улыбнулся. С уверенностью человека, который знал цену каждой слабости и умел обратить её в оружие.

— Так что? Играем дальше?

3

Я медленно отставила бокал. Вино, ещё недавно манившее бархатистым ароматом и тёплым рубиновым сиянием, теперь жгло изнутри. Не огнём — едким напоминанием о том, как зыбко моё положение, о грани между подчинением и сопротивлением, которую я всё ещё пыталась удержать. Каждый глоток оставлял на языке привкус невысказанных вопросов. Тех, что я загоняла вглубь, как опасные секреты.

Я смотрела на Диаманта. И вдруг с пронзительной, почти болезненной ясностью поняла: за его словами, ласковыми или режущими, за прикосновениями, от которых то замирало сердце, то вспыхивала кровь, за той странной, пугающей близостью, что возникла между нами, скрывалась не

пустота. Его одиночество было крепостью. Он сам возвёл её, камень за камнем, чтобы отгородиться от мира, от людей, от чувств.

Что заставило его выстроить эти стены? Ему двадцать один. Что сломало его так рано? Смерть матери? Равнодушие отца? Или он всегда был таким?

Я не знала. Не знала, чем он жил до Колтрейна. Не знала, что он чувствовал, когда оставался один. Что ему снилось. Чего он боялся. Кем он был до того, как стал герцогом, инквизитором, хозяином этого замка.

Я знала его руки. Знала его запах. Знала, как он дышал, когда был возбуждён, и как темнели его глаза, когда он злился. Знала, каким бывал его голос, когда он шептал мне в ухо, и каким — когда приказывал. Но я не знала его. И это знание, вернее, его отсутствие, вдруг стало невыносимым: пустота в груди, которую не заполняли ни его прикосновения, ни его власть, ни его тело. Я лежала с ним в одной постели, но он оставался незнакомцем. И от этого было больнее, чем от всего, что он делал со мной.

— Наверное, даже если бы я и хотела отказаться, то не смогла бы.

Я произнесла это тихо, но без тени покорности. С трезвым признанием реальности.

Пауза повисла между нами. Тяжёлая, звенящая, как натянутая до предела струна. Я слышала всё: биение собственного сердца, едва уловимое потрескивание свечей, далёкий

шум ветра за окнами. Воздух сгущался от невысказанных слов, от невидимой битвы между нами.

И прежде чем успела передумать, я выпрямилась, расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза. Спина скована напряжением. Я сидела неестественно ровно, будто ждала удара. Но в этот момент чувствовала странную лёгкость, словно сбросила груз, который носила слишком долго.

— Расскажи мне о себе.

Не просьба. Требование. Мягкое, но непреклонное. Сталь под бархатом.

Диамант замер. Всего на мгновение, но я успела заметить, как в его взгляде мелькнуло искреннее, почти детское удивление. Он не ожидал, не просчитал. Впервые за всё время выглядел застигнутым врасплох. Брови чуть приподнялись. Пальцы на подлокотнике вздрогнули. Он смотрел на меня так, будто я произнесла слова на языке, которого он не знал.

— Что?

Без насмешки, без холода. Просто с удивлением.

— Расскажи мне о себе, — повторила я. — Кто ты. Что ты любишь. Чего боишься. О чём думаешь, когда остаёшься один.

Он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Физический барьер между нами. Но я уже прорвалась. Оставалось только увидеть, насколько глубоко. В полумраке его лицо стало ещё более непроницаемым. Он спешно возводил новые барьеры.

— Что ты хочешь знать?

Без привычной иронии. Только с осторожным любопытством.

— Всё, — ответила я просто, с неожиданной твёрдостью в голосе. — То, что сам захочешь рассказать. Я задам вопросы, а ты просто отвечай. Не захочешь — не отвечай. Я не буду настаивать.

Он усмехнулся. Но в усмешке не было привычной иронии. Недоверие и растерянность. Он словно пытался понять, нет ли за моими словами скрытой ловушки.

— Никто из всех женщин, что были в моей жизни, никогда не просил просто поговорить, — произнёс он, медленно проводя пальцем по краю бокала, ища в этом жесте опору. — Они хотели страсти, секса, боли. Хотели меня — мою силу, власть, красоту. Но никогда — разговора. Никогда — понимания.

Он поднял на меня глаза.

— Ты понимаешь, как это звучит? Ты сидишь напротив меня — после всего, что я с тобой сделал, — и просишь рассказать о себе. Не о власти. Не о деньгах. Не о том, что я могу тебе дать. А о том, кто я. Это либо очень глупо, либо очень смело. Я пока не решил, что именно.

Внутри меня что-то дрожало. Не жалость. Она была бы здесь неуместна, он воспринял бы её как слабость. Странное, почти болезненное сочувствие. За его непробиваемой бронёй, за холодной уверенностью шла глубокая внутренняя

борьба, будто в нём уживались двое: один жестокий и расчётливый, другой уязвимый и жаждущий чего-то настоящего.

— Я не они, — сказала я тихо, но непоколебимо. — И я хочу знать, кто ты на самом деле. Не маска, которую ты надеваешь для других. Не образ, который создаёшь. Ты. Настоящий.

Он долго молчал, изучая меня взглядом, будто пытаясь прочесть что-то в глубине моих глаз. В этом молчании было больше смысла, чем в любых речах: сомнение, борьба, выбор между закрытостью и откровенностью.

Наконец он кивнул. Едва заметно, почти неохотно.

— Хорошо. Я отвечу на твои вопросы. Но помни: всё имеет свою цену. И откровенный разговор — в том числе.

В голосе не угроза и не насмешка. Предупреждение, осознание последствий, понимание, что эта беседа могла разрушить хрупкое равновесие между нами. Он сам не знал, куда она заведёт, какие двери откроет, какие тени выпустит на свет. Его дыхание чуть участилось. Я улавливала этот намёк на волнение, спрятанный за маской безразличия.

Я сглотнула. Сердце билось чаще, отбивая неровный ритм последних секунд перед прыжком в пропасть. Пальцы сжали край скатерти. Но я заставила себя разжать их. Вдохнула глубже. Подняла голову. Встретила его взгляд без страха. Я переступала очередную границу, и назад пути уже не было. Но впервые за всё время в этом замке я ощущала не страх.

Странное, почти опьяняющее предвкушение правды. Какой бы горькой или прекрасной она ни оказалась.

— Какова цена?

Ни тени сомнения. Только готовность принять его условия.

Диамант медленно откинулся на спинку кресла. В полумраке его глаза блестели не яростью, а холодным, расчётливым интересом, от которого по моему позвоночнику пробежал ледяной озноб. Он достал изящную серебряную зажигалку, неторопливо закурил. Выпустил кольцо дыма, медленно плывущее к потолку. Тряхнул головой, и длинные чёрные волосы взметнулись, обрамляя нечеловечески прекрасное лицо.

— У меня два условия, — начал он ровным, почти будничным тоном. — Первое: после ужина, когда мы поднимемся в спальню, ты сделаешь мне минет. В этот раз без расширителей. Надеюсь, хотя бы нормально взять в рот ты способна. Только после этого я отвечу на твои вопросы.

Он замолчал. Пауза растянулась, как капля смолы, готовая сорваться. Кончик его зажигалки замер над столом. И в наступившей тишине я слышала только треск свечей и собственный пульс, гулко бьющийся в ушах.

Второе условие он не произносил. Оставлял его висеть в воздухе. Невысказанным, как приговор, который мне только предстояло услышать.

Кровь хлынула к щекам. Слова умерли в горле, превратились в сухой ком, перекрывший воздух.

Диамант говорил так, словно зачитывал список покупок. И эта бесстрастность резала глубже любого ножа. Вежливая, выверенная, хирургическая. От неё внутри всё каменело.

— Второе — завтра ты пойдёшь со мной в пыточную, — продолжил он, не удостоив меня даже взглядом. — Там подходящий антураж. Больше инструментов. Я хочу кое-что попробовать — и посмотреть, выдержишь ли.

Стены комнаты качнулись и сомкнулись ближе. Воздух густел, становился вязким, пропитанным запахом табака, гвоздики и корицы.

Память услужливо вскрыла старые шрамы: скрип дыбы, дыхание железа, мой собственный крик. Тонкий, срывающийся, отскакивающий от мокрых каменных стен. Я вспоминала холод камня под лопатками. Вспоминала, как пахло: сыростью, страхом, его одеколоном. Вспоминала, как он смотрел на меня тогда. Без злости, без жалости. Просто с интересом. Эхо того крика до сих пор жило где-то под рёбрами.

Пальцы нашли край стола и вцепились. Дерево тёплое. Единственная тёплая вещь в этой комнате.

Диамант вдавил сигарету в пепельницу медленно и методично, как вдавливал бы палец в чужую рану.

— Не бойся, — произнёс он мягким, почти тёплым голосом, от которого становилось страшнее, чем от любой угрозы, потому что она ощущалась как шёлковая перчатка на ру-

ке палача. — Если я и использую дыбу, то не стану выкручивать суставы. Я обещал не ломать тебе кости. Помнишь?

Я помнила. Каждое слово, каждую интонацию.

Его слова должны были успокоить. Но вместо этого внутри вспыхнуло разом, как облитое маслом пламя: страх, гнев и третье. То, что я прятала глубже всего. Навязчивый зуд под кожей, тёмный голод на дне живота. Отвратительный и притягательный. Именно его хладнокровие, эта гранитная уверенность в собственной власти будили во мне дерзость, желание оскалиться, доказать, что я не игрушка.

— Ты серьёзно? — выдохнула я. — Ты думаешь, я соглашусь на это?

— А почему нет? — усмехнулся он той самой хищной усмешкой, обнажающей клыки. — Отсос и новые ощущения в подходящем месте — вполне честная цена за откровенность. Ты ведь хочешь узнать меня. Правда?

Его голос опустился до низкого, густого, обволакивающего, как сигаретный дым, шёпота. Он поднялся, шагнул ближе. Я чувствовала жар его тела. Близкий, тяжёлый, как перед грозой.

— Узнать, что за маской, как ты выразилась. Так вот — это часть меня. Та, которую я не показываю никому. Кроме, может быть, Роланда. Но тебе я готов открыть эту дверь. Если ты достаточно смелая, чтобы войти.

Тишина. Потрескивание свечи. Стук моего сердца. Оглушительный в этой тишине.

— Только не жди ничего возвышенного, — добавил он с лёгкой насмешкой. — Героического во мне нет. Не было. Не будет.

Чуть наклонился, так что я ощутила его дыхание на своей коже. Тёплое, с горечью табака.

— А что касается пыточной… Ты боишься? Боишься того, что можешь почувствовать? Или того, что тебе может понравиться?

Последнее слово он произнёс как непристойность. Тихо, интимно, прямо в ухо.

Я сжала кулаки.

— Ты играешь со мной.

— Конечно, играю, — ответил он с волчьей улыбкой. — И ты тоже играешь. Иначе не сидела бы здесь. Не просила бы рассказать о себе. Не тянулась бы к занавесу.

Он протянул руку. Не касаясь, но так близко, что я ощутила тепло его пальцев над своей щекой, как призрак прикосновения.

— Так что, Сильвана… ты готова увидеть, что за дверью?

— Зачем тебе это? — спросила я. — Почему именно я?

— Потому что ты единственная, кто спросил, — прошептал он, упав к самому уху, горячо, влажно, обжигая мочку. — Единственная, кто захотел узнать меня. Не мою силу. Не власть. Не тело. Меня. Теперь решай. Идёшь со мной — или остаёшься в неведении навсегда.

Отступать было некуда. Только шаг вперёд, в темноту, где

ждала гибель. Или откровение. Или и то и другое, сплетённые так тесно, что не отличишь одно от другого. На секунду я представила, как разворачиваюсь и ухожу, оставляю его с его условиями и его пустотой. Но ноги не двигались: тело уже сделало выбор за меня.

— Я согласна.

Слова сорвались помимо воли, как последний выдох перед погружением. В них было что-то жертвенное, необратимое. Звук сожжённого моста.

В столовой остался только треск свечей. Пламя вздрагивало, тени на стенах корчились, как живые.

Диамант снова вернулся в кресло напротив. Затянулся. Дым покинул его губы тонкой змеёй. Кивок. Почти неохотный, почти разочарованный, словно он ждал большего сопротивления.

«Кто ты на самом деле?» — вопрос уже стоял на языке, горький, как полынь. Но он остановил меня плавным, властным жестом:

— Сначала минет. Потом вопросы. Как договаривались.

Буднично. Как о погоде, как о расписании поездов.

Я кивнула. Горький ком скользнул по горлу. Каждый нерв под шёлком платья был натянут до звона. Он отвернулся, чтобы погасить сигарету о хрустальное блюдце. И что-то во мне сломалось. Не тихо, не красиво. Как кость под давлением, с хрустом.

— Хорошо, идём, раз уж тебе так приспичило, — произ-

несла я звенящим, незнакомым голосом. — Но знаете, милорд… иногда мне кажется, что вы думаете не головой, а тем, что у вас между ног.

Фраза повисла в воздухе. Обнажённый клинок, направленный в горло. Пальцы дрожали, сердце билось так громко, что он наверняка слышал.

Диамант замер. Доля секунды. Вдох, не ставший выдохом. Трещина в фарфоровой маске — и тут же затянувшаяся. Потом — смех. Тихий, низкий, бархатный. И от этого бархата по коже бежал мороз.

— О, это было неожиданно, — произнёс он. — Должен признать, ты умеешь удивить. Не каждый осмелится бросить мне это в лицо. Ты почти разочаровала меня быстрым согласием — и вдруг такое. Браво. От души, которой у меня всё равно нет.

Он смотрел на меня, как коллекционер на редкую бабочку, уже наколотую на булавку.

— Знаешь, что забавляет меня больше всего? Ты говоришь так, будто я не вижу. Но я вижу всё. Как дрожат твои пальцы. Как учащается дыхание. Как расширяются зрачки, когда я подхожу ближе. Ты обвиняешь меня в животной натуре — а сама тянешься ко мне, как кошка к валериане. Это… очаровательно.

Пауза. Тяжёлая, намеренная.

— Во-первых, я не спорю, — продолжил он, и в тоне не было ни тени раздражения, только лёд, от которого кровь

стыла в венах. — Хотя замечу: та часть меня, которой, по-твоему, я думаю, никогда не вызывала жалоб. Напротив — большинство хвалили мою… многосторонность. Если тебе покажется, что я недостаточно внимателен, — просто скажи. Я исправлюсь. С удовольствием.

Ни хвастовства, ни бравады. Констатация. Спокойная, безжалостная, как диагноз.

— А во-вторых… ты не лучше. Иначе бы не потекла с первого взгляда. Но не переживай. Это обычная реакция. Я привык.

Правда. Голая, грубая, неприглядная. Ранила глубже любого удара, потому что обнажала, срывала последний покров. Он снова поднялся, сделал ко мне шаг. Потом ещё один. Остановился так близко, что его бедро почти касалось моего.

— Хочешь знать, что я думаю о твоей фразе? — спросил он. — Что она хороша. Дерзкая. Смешная. Но, милая, если я начну думать только тем, что у меня между ног, у тебя не останется времени ни на вопросы, ни на разговоры. Я просто трахну тебя во все щели, о которых ты ещё не знаешь, и заставлю благодарить за это.

Он наклонился к моему уху. Голос упал до шёпота.

— И знаешь что? Ты бы кончила. Не раз. Не два. Ты бы кричала так, что стены Рокуэлла запомнили бы твой голос навсегда. Но, к сожалению, у нас был уговор. И я намерен его соблюсти. Хотя твоя колкость меня… возбуждает.

Его рука легла мне на талию. Пальцы сжали ткань платья. Тёплые, сильные, собственнические.

— Так что, продолжим наш маленький обмен? — он провёл губами по мочке моего уха. — Ты отсосёшь мне. Знаю, что не умеешь, но я научу. А я потом расскажу тебе то, что ты хотела узнать. И, возможно, мне понравится. Возможно, я даже позволю тебе задать больше вопросов. Если будешь стараться.

Он поднялся плавно, перетекая из покоя в движение, как хищник перед прыжком.

— Раз ты заговорила откровенно, значит, тебе не терпится куда больше, чем ты готова признать, — произнёс он. — По доброте душевной — пойду навстречу. Хотя мне нравится, когда ты сопротивляешься. Это добавляет… пикантности.

Дверь открылась. Жест властный, непререкаемый, не допускающий мысли о возражении.

Я шла следом. Стыд жёг щёки, гнев кипел в груди, любопытство тянуло вперёд, за край, в пропасть. И то самое запретное, неуловимое притяжение, пахнущее кровью и властью, влекло меня вперёд вопреки разуму, вопреки инстинкту, вопреки всему, что когда-то казалось незыблемым.

Коридор поглощал нас. Свечи за спиной гасли одна за другой, словно даже Рокуэлл закрывал глаза, не желая быть свидетелем того, что произойдёт дальше.

Диамант

1

Я повернулся и посмотрел на её растерянное лицо. Усмешка родилась сама: тихая, едва заметная, но полная превосходства, которое не нуждалось в словах. Победа уже была одержана. Всё остальное — ритуал.

Мой взгляд скользил по ней, считывая тело, как шифрованное послание: дрожь пальцев, мелкая, судорожная. Жилка на шее, бьющаяся в плену собственного ритма. Спина натянутая, прямая, как струна. И дыхание. С каждым моим шагом рвущееся всё короче, всё отчаяннее, будто воздух стал слишком густым, чтобы его глотать.

Я закрыл за нами дверь спальни.

«*Справится сама — или снова придётся надевать расширитель?*»

В этой мысли не было жестокости. Только холодный расчёт. Я любил наблюдать, как ломаются границы, как страх плавится в желание, как сопротивление истончается, делается прозрачным и наконец уступает место покорности. Горячей, постыдной, сладкой.

Но с Сильваной всё было иначе: в её глазах не просто покорность, а война. Страх и любопытство, дерзость и неуверенность. Четыре зверя в одной клетке, рвущие друг друга на части. И именно эта борьба притягивала меня сильнее, чем любая капитуляция.

Спальня приняла нас, как чрево: полумрак, тяжёлый, маслянистый аромат сандала, а под ним едва уловимая горьковатая нота лаванды. Я выбрал этот запах намеренно: он ло-

жился на нервы, как тёплая ладонь. Успокаивал и одновременно будоражил, делал кожу чувствительнее. Тени от канделябра корчились на стенах, вытягивались, множились.

Я подошёл к кровати, небрежным движением откинул покрывало. Шёлк скользнул на пол с тихим шорохом, обнажив тёмное дерево рамы. И повернулся к ней.

Она инстинктивно отступила. Но моя рука уже поймала её запястье. Пальцы сомкнулись не грубо, но неумолимо. Я рывком притянул её к себе. Кожа под моими пальцами была горячая и чуть влажная. Я провёл большим пальцем по внутренней стороне запястья, по тонкой паутине вен. И почувствовал, как волна мурашек хлынула вверх по её руке.

— Расслабься.

Моё дыхание обожгло нежную кожу за мочкой. Она вздрогнула всем телом. Волоски на шее встали дыбом, пульс под моими пальцами взвился бешеным галопом.

— Ты ведь уже это делала. Только немного… по-другому. Так что будет интересно. Для нас обоих. Особенно — для меня.

Отстранился.

— Раздевайся. Полностью. Потом — на колени.

Она сглотнула. Я видел, как судорожно, почти болезненно дёрнулось её горло. Она начала раздеваться медленно, словно во сне, где тело движется сквозь воду, где каждый жест отнимал целую вечность. Ткань соскальзывала с плеч, падала на пол. Каждое движение давалось с усилием: то ли мышцы

сковало напряжение, то ли нарастающее возбуждение, которое она давила в себе, как горящий уголь в кулаке.

Я видел, как расширялись её зрачки. Тёмные, почти звериные. Как губы подрагивали. Как грудь вздымалась чаще, чаще, чаще.

Когда последняя ткань упала, я подошёл и остановился в шаге. Мой взгляд прошёлся по ней. Полумрак обострял линии тела, делал изгибы резче, тени в ложбинках глубже. А дрожь, бегущую по коже, превращал в нечто первобытное. В ней не было классической красоты. В ней была красота зверя, пойманного в силки. Испуганного, но не сломленного. Дикого.

— Не нервничай, — произнёс я неожиданно мягким, почти ласковым голосом. — В прошлый раз я вёл. Сегодня ты будешь учиться. Просто делай то, что скажу. И главное — не отводи глаз. Смотри на меня.

Она подняла глаза и встретила мой взгляд. В нём не было осуждения. Только ледяная уверенность человека, который знал путь.

— Теперь — на колени. Руки вдоль тела. Плечи расслабь. Дыши глубже.

Она опустилась. Колени коснулись ковра, но он не грел: холод камня пронзил её насквозь, хлынул вверх по бёдрам. Но именно этот холод обострял всё остальное: жар моего взгляда, стук её собственного сердца.

— Хорошо, — кивнул я, делая шаг назад. — Теперь слу-

шай внимательно. Каждое движение — плавное, размеренное. Ты не просто выполняешь. Ты учишься. И если сделаешь хорошо — я это оценю. Если плохо — мы повторим. И не раз.

Я расстегнул молнию. Её глаза блеснули.

— Сначала — руками. Легко. Не сжимай. Просто почувствуй. Пальцы должны знать, с чем имеют дело.

Она подняла дрожащие руки. Коснулась. Сначала кончиками пальцев, потом ладонью. Обхватила.

— Вот так, — прошептал я. — Тёплые руки. Это важно. Никому не нравится, когда хватают ледяными пальцами.

Она сглотнула и начала двигать рукой. Медленно, неуверенно.

— Не торопись. Сначала просто изучи. Каждую вену. Каждый изгиб. Почувствуй, как он реагирует на касание.

Её пальцы скользили вверх-вниз. Робко, но уже осмысленно.

— Теперь язык, — приказал я. — Пройдись по всей длине. От основания до головки. Не спеши.

Она наклонилась. Её язык коснулся кожи у основания. И я почувствовал, как по телу пробежала волна жара.

— Да. Вот так. Тёплый язык. Мокрый. Теперь — головка. Оближи её. По кругу. Как будто пробуешь что-то дорогое.

Она подчинилась. Её язык описал круг вокруг головки, потом ещё один. Я застонал сквозь зубы.

— Теперь возьми в рот. Но без зубов. Губы сожми плот-

нее. Головку — за щёку. Нежно.

Она обхватила губами головку. Сначала неуверенно, потом глубже.

— Вот так. Теперь — глубже. Но не давись. Если не получается — отстранись, вдохни, попробуй снова.

Она попыталась. Закашлялась. Отстранилась. Я дал ей секунду.

— Снова.

Она повторила. На этот раз глубже. Её горло сжалось вокруг меня.

— Блять… — выдохнул я. — Вот теперь ты начинаешь понимать.

— Теперь — ритм, — продолжил я, запустив пальцы в её волосы. — Не части. Сначала медленно. Входи глубже — отстраняйся. Создай вакуум губами. Как будто сосёшь.

Она начала двигаться. Медленно, втягивая щёки.

— Да. Вот так. Теперь добавь руку. У основания. Двигай в такт рту.

Её рука легла на основание. Движения стали синхронными.

— Хорошо. Теперь быстрее. Но не теряй ритм.

Она ускорилась. Влажные звуки заполнили комнату.

— Чувствуешь? — прошептал я. — Как он напрягается? Как пульсирует? Это твоя работа. Твоя сила. Ты управляешь мной. Можешь остановить. Можешь довести. Это — власть.

Она подняла на меня глаза, не переставая. В них был го-

лод.

— Теперь глубже, — приказал я. — До конца. Сколько сможешь. Не бойся.

Она попыталась. Её горло сомкнулось вокруг меня. Слюна текла по подбородку. Я потянул её за волосы. Не грубо. Направляя.

— Не давись. Дыши через нос. Расслабь горло. Представь, что глотаешь.

Она сглотнула. И это сжатие вокруг меня было почти невыносимым.

— Сука… — выдохнул я. — Ещё раз.

Она повторила. И ещё. И ещё.

— Быстрее, — прошептал я. — Сожми губами крепче. Используй язык. Вот здесь, под головкой. Да…

Она работала с упорством, граничащим с одержимостью. Её слюна текла по моему стволу, по её подбородку, на грудь. Звуки, которые она издавала, были непристойными: влажное причмокивание, сдавленные стоны, влажный скользкий шум.

Я чувствовал, как приближался к краю.

— Сейчас, — выдохнул я. — Сейчас кончу. Хочешь, чтобы я предупредил?

Она не ответила. Только посмотрела на меня снизу вверх и ускорилась.

— Тогда глотай, — приказал я. — Всё. До капли.

Она кивнула, не отрываясь. Ещё несколько движений —

и я взорвался. Горячая струя ударила в её горло. Она сглотнула. Потом ещё раз. И ещё. Я держал её за волосы, не позволяя отстраниться, пока последние толчки не стихли. Она сглотнула всё. До конца.

И только тогда я отпустил.

Она отстранилась. Губы припухшие, влажные. По подбородку стекала слюна. Глаза блестели. Ни страха. Ни отвращения. Только спокойствие и что-то похожее на триумф. Она не отвела взгляд. Просто выдохнула долго и медленно.

Воздух между нами дрожал, пах потом, сандалом, спермой и чем-то ещё. Первобытным, диким.

— Спасибо.

Слово вырвалось само. Тихое, почти беззвучное. И в нём было больше, чем благодарность. В нём была частица меня, которую я не собирался отдавать.

— Это действительно было неплохо, — добавил я. — У тебя прекрасный рот. И, как выяснилось, дан он тебе не только для того, чтобы говорить мне гадости.

Сильвана

1

Диамант отстранился.

Я слышала звук застёгиваемой пряжки. Сухой, металлический, окончательный. Он поднял голову, и его взгляд оказался пугающе ясным, словно всё, что произошло минуту назад, не затронуло в нём ничего, кроме любопытства. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Изучал, как юве-

лир изучает камень после огранки.

Я выныривала медленно, из глубокого дурманящего омута, где реальность растворялась в вихре ощущений, а время сворачивалось в тугой клубок. В ушах приглушённый гул, отзвук собственного пульса. Перед глазами плавали размытые пятна: зеркала потолка, мерцание оплывших свечей, силуэт Диаманта в кресле, развалившегося, как хищник после охоты.

Я машинально провела языком по губам: солоноватый, горький привкус. Уже не чужой, а знакомый. И от этого одновременно стыдно и приятно, как от тайны, которую знаешь только ты. Я лишь запоздало осознала, что делаю. Жар обжёг скулы, прокатился вниз по шее. Тело ещё дрожало мелко и предательски. Я сжимала пальцы в кулаки, но дрожь переползала в запястья.

Диамант наблюдал с ленивой, кошачьей полуулыбкой. Тихий смешок вырвался из его горла. Глаза блестели не злорадно, а с тем редким, чуть циничным удовольствием, которое он позволял себе нечасто.

— Ну что, как ощущения? — произнёс он. — Не разочарована?

Я медлила, вылавливая каждое слово из хаоса. Отрицательно качнула головой. Потом, собравшись с духом:

— В прошлый раз ты сделал это жёстко. Грубо. Унизительно. А сейчас… всё совсем по-другому.

— В прошлый раз ты разбудила меня ледяным душем, —

пожал он плечами, без упрёка и раздражения, с лёгкой иронией. — И была справедливо наказана. А если честно… как больше понравилось?

— У тебя сегодня вечер выяснения моих ощущений? — попыталась я спрятать за шуткой растерянность.

— Я просто спрашиваю, — он приподнял бровь. — Когда я только начинал всё это практиковать — как бы я узнал, что приятно партнёрше, а что нет? Язык, если что, существует не только чтобы совать его куда надо и куда не надо. Но и чтобы разговаривать.

— А я-то думала, ты всё знаешь по умолчанию, — усмехнулась я неожиданно для себя. — Ну, как герцог. Как инквизитор. Как ходячее воплощение порока.

— О, я знаю много, — он выпустил дым в потолок. — Но женщина — не допросная камера. Из неё не выбьешь правду клещами. Только языком. В обоих смыслах.

Он улыбнулся медленно и откровенно, давая понять, что шутка была намеренной.

— А если серьёзно, я не люблю оставлять женщину неудовлетворённой.

— То есть ты не альтруист. Ты перфекционист.

— Точно. Мне нравится, когда всё сделано хорошо. Особенно — когда это делают со мной.

— Знаешь… ты удивительный, — произнесла я чужим, как мне казалось, голосом. — Я слышала, что мужчины в этом деле думают только о своём удовольствии. А тебе — с

твоими наклонностями — важно не просто получить своё, а выстроить всё так, чтобы оно имело смысл. Для обоих. Это… поразительно.

— Я не все.

Не игра. Утверждение.

— И как раз с моими наклонностями это особенно важно, — добавил он. — Если партнёрша не чувствует себя в безопасности, всё рассыпается. Это не жестокость. Это фундамент. Тут дело не в морали. А в том, кем я себя считаю.

— О, это я уже поняла. Ты не просто герцог. Ты — произведение искусства, которое не имеет права на плохое исполнение.

Он рассмеялся низко и откровенно:

— Наконец-то ты начинаешь понимать.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то смещалось: он говорил легко, с иронией, но под этой лёгкостью таилось нечто настоящее. Не бравада. Спокойное осознание собственной силы — и ответственности за неё.

— Если честно, ты превзошла мои ожидания, — произнёс он, затянувшись и выпустив дым через ноздри. — Особенно в финале. Не каждый способен не только принять… но и усвоить.

— Усвоить? — я приподняла бровь. — Ты сейчас о чём — о вкусе или о покорности?

— О том, что ты не отпрянула. Не отвернулась. Сглотнула.

Жар снова хлынул к моим щекам. Я опустила взгляд, но

не отвела его. В его словах было что-то не пошлое, а почти уважительное. И от этого становилось ещё более обнажающим.

— Ладно, — он махнул рукой. — Иди в ванную. Приведи себя в порядок. А когда вернёшься… я буду полностью в твоём распоряжении. Для обещанного разговора.

Пауза. Нарочитая, тягучая. Его взгляд двинулся медленно. По моим коленям, по животу, по ключицам, по горлу.

Я хотела что-то сказать, возразить, но слова застряли комом в горле. Глубокий вдох. Воздух пах свечным нагаром, табаком и чем-то мускусным, тёплым. Что принадлежало только ему.

Я подхватила одежду с пола. Ткань прохладная, почти влажная на ощупь. И направилась к двери. Его взгляд лёг между лопаток.

На пороге я остановилась. Не оборачиваясь.

— Ты правда хочешь поговорить? — спросила я тихо, почти шёпотом. — Или это ещё один этап твоего… эксперимента?

Я боялась ответа. Но ещё больше боялась, что он не ответит. Тишина была долгой. Я чувствовала его взгляд на спине.

— На этот раз — не совсем, — произнёс он, и голос прозвучал непривычно мягко, почти человечно. — Я хочу сдержать слово. И посмотреть, куда это нас приведёт.

Я выдохнула. И переступила порог.

В ванной было холодно. Кафель обжигал ступни. Я вклю-

чила воду, и шум потока заполнил пространство, смывая остатки тишины, в которой рождались откровения. Оперлась ладонями о раковину. Фарфор ледяной. Подняла глаза к зеркалу.

Отражение казалось чужим: припухшие губы, румянец, ещё не сошедший со скул, волосы в беспорядке. На шее едва заметный след от его пальцев. На запястьях красноватые полосы.

Я медленно подняла руку и коснулась своих губ: они были горячие, припухшие, всё ещё хранили его вкус. Солоноватый, горьковатый, чужой. Провела по ним пальцами, как по заживающей ране. И не чувствовала стыда. Только любопытство.

Коснулась шеи, где кожа помнила его дыхание. Коснулась запястий, где его пальцы сжимали меня. Провела пальцами по синякам на бёдрах: они были его подписью. И я ловила себя на том, что не хотела, чтобы они исчезали.

Следы на теле больше не пугали: они были доказательством того, что это случилось, что я прошла через это, что я осталась.

Я провела ладонями по плечам, по груди, по животу. Медленно, изучающе, как будто видела это тело впервые. Оно отзывалось на каждое прикосновение не стыдом, а теплом. Оно помнило всё: его руки, его губы, его голос. И не хотело забывать.

Я снова посмотрела в зеркало: в моих глазах больше не

было страха. Только любопытство и предвкушение. Он обещал разговор, обещал ответить на вопросы. И впервые за всё время в этом замке я чувствовала не страх перед ним. Жажду. Жажду узнать, понять, заглянуть за маску, которую он носил так долго, что она, возможно, уже приросла к лицу.

Я ополоснула лицо холодной водой. Капли стекали по шее, по груди. Вытерлась. Оделась медленно, не торопясь. И в последний раз посмотрела на себя.

Та, что смотрела из зеркала, — другая. И эта другая была готова услышать правду.

Диамант

1

Как только Сильвана исчезла за дверью, я выдохнул медленно, до конца, словно выпуская из лёгких не воздух, а отравленный дым собственной учтивости.

Маска соскользнула сама. Не потому, что я устал. Потому что наедине с собой держать её бессмысленно. Всё равно что улыбаться мертвецу.

Пальцы выбили по подлокотнику сухую, нервную дробь. Не волнение. Досада: где-то в расчётах вкралась погрешность. Крохотная, едва ощутимая, но я чувствовал её, как занозу под ногтем. Не больно, но невыносимо.

В зеркале напротив мелькнуло моё отражение: глаза, в которых плавало холодное раздражение хирурга, обнаружившего лишний стежок на безупречном шве.

Я поднялся, подошёл к столику у окна, налил вино. Дви-

жения слишком резкие, стекло звякнуло о стекло. Звук в тишине прозвучал вызывающе, почти непристойно. Вино густое, тёмное, цвета запёкшейся крови, плескалось в бокале. Я поднёс его к лицу, но не пил. Вдохнул: дубовая горечь, чернослив, что-то смолистое, тяжёлое, как и всё вокруг. Декорация, красивая и полая внутри.

Я вышел в коридор. Полумрак пах воском и чужим потом. Кисловатый, рабский запах, который не перебивали ни благовония, ни срезанные цветы в нишах.

— Вино. Фрукты. Что-нибудь со льдом, — бросил я пробегавшему слуге, не повернув головы. — Хоть чем-нибудь разбавьте эту духоту.

Они появились мгновенно. Бесшумные тени с опущенными взглядами, привыкшие к внезапным приказам, как привыкают к ударам. Их покорность не утоляла ничего. Только лёгкое презрение к ним, к их предсказуемости, к тому, как безупречно они играли роль безмолвных марионеток, не догадываясь, что ниток давно никто не дёргает.

Через минуту на столике выстроился натюрморт: бокалы, ваза с виноградом, разрезанными фигами, и персиками, графин запотевший от ледяной воды.

Я сделал глоток вина. И тут же поставил бокал: вкус лёг на язык тяжело, слишком терпкий, почти горький, с металлическим послевкусием, от которого сводило скулы. Как и всё в этой ситуации, как сама мысль о том, что кто-то, пусть даже она, мог хоть на миг сбить мой ритм.

«Терпкость — признак качества».

Я усмехнулся. Усмешка вспыхнула и тут же погасла, как спичка на ветру.

Опустился в кресло, вытянул ноги. Кожа сиденья тёплая, нагрелась от моего тела. И в этом было что-то неприятно интимное, словно кресло запоминало меня.

Закрыл глаза. В темноте под веками проступил её взгляд в финале разговора: не покорность. Что-то другое: любопытство, дерзость, тонкая трещина в послушании, сквозь которую проглядывало живое, горячее, опасное. Впервые за долгое время кто-то не просто подчинялся, а пытался заглянуть за маску, прочесть правила, которые я ещё не озвучил. И это будило во мне раздражение. Густое, тягучее, почти телесное. И одновременно интерес. Острый, как лезвие, проведённое по внутренней стороне запястья.

Её вопрос «Кто ты?» я прокручивал в голове снова и снова. Никто не спрашивал. Никто не хотел. А она спросила. И это было непривычно.

Она справилась изящно? Пожалуй. Но не потому, что искусна. А потому, что я позволил. Ослабил поводок чуть больше, чем следовало, просто чтобы посмотреть, как далеко она отбежит. Зверёк на длинной цепи всегда думает, что свободен. До рывка.

Интересно, что она спросит, когда вернётся. Банальное «зачем?» или что-то более глубокое, что выдаст её с потрохами, обнажит нерв, за который можно потянуть. Её смелость

— пламя свечи: оно светит, пока я даю ему воздух. Одно движение — и темнота.

Я позволил ей поверить, что у неё был выбор. Но выбор — лишь нить в паутине. Моя нить. Она думает, что идёт. А её ведут.

Я умел говорить о чём угодно: о политике, о войне, о сексе. Но говорить о себе — это всё равно что снять кожу и позволить кому-то смотреть на мышцы.

За окном наваливалась ночь. Беззвёздная, плотная, как чёрный бархат, пропитанный сыростью. Если бы не свечи, комната стала бы могилой. Пламя подрагивало, тени на стенах шевелились медленно и маслянисто, как щупальца чего-то живого, притаившегося за границей света. Воздух пах нагретым воском, остывающим вином и чем-то неуловимым. Может быть, её духами, оставшимися в складках портьеры.

Я сидел неподвижно и ждал.

Разговор будет сложным? Возможно. Но только для неё. Для меня — очередной ход на доске, где она даже не видела всех фигур. Очередная проверка её пределов. Я знал: она вернётся с вопросами, будет искать во мне что-то человеческое. Трещину, зацепку, искру тепла в этой ледяной расчётливости. Будет вглядываться в моё лицо, как вглядываются в колодец, надеясь увидеть дно.

Но найдёт ли?

В глубине, там, куда я давно не заглядывал сам, шевельнулось нечто, похожее на сомнение. Едва уловимое, как шё-

пот за стеной. Я прикрыл глаза и вслушался: тишина густая, вязкая, пульсирующая. Не мёртвая, а затаившаяся, как зверь перед прыжком. Я впитывал её не ради покоя, а ради контроля, чтобы зафиксировать момент, запомнить паузу, точку, в которой правила ещё не установлены, а будущее раскрыто, как чистая страница.

Но это не значило, что правил нет: мои правила уже написаны, высечены в камне опыта, вплавлены в кость. Она узнает их позже. Когда будет готова. Или когда я решу, что готова.

Усмешка беззвучная, только для себя: ожидание — тоже часть игры. И я умел ждать терпеливо и расчётливо, с той холодной ясностью ума, которая пугала даже меня самого в те редкие минуты, когда я позволял себе об этом думать.

Бокал вина стоял почти нетронутый. Тёмная поверхность подёрнулась маслянистой плёнкой. Фиги раскрылись шире, обнажив влажную рубиновую мякоть. Виноградины потемнели, налившись тяжёлой сладостью. Вода в графине медленно теплела, как будто само время остывало вокруг, теряя остроту.

Я потянулся к вазе, взял одну виноградину: прохладная, упругая, с тонкой кожицей, готовой лопнуть от малейшего давления. Поднёс её к свету. Свеча высветила изнутри тёмную мякоть, спрятанную под глянцевой оболочкой. Целая. Нетронутая. Пока.

Сжал пальцы.

Кожица лопнула с тихим, едва слышным хрустом. Сок брызнул на ладонь. Тёплый, липкий, сладковатый. Я раздавил ягоду до конца, чувствуя, как мякоть скользила между пальцев, как стекала вниз, оставляя на коже тёмные дорожки. Вот так и Сильвана: целая, упругая, сладкая. До тех пор, пока я не решу сжать.

Медленно разжал пальцы. Остатки ягоды упали на стол. Бесформенные, раздавленные, уже ничем не похожие на то, чем были.

Я вытер ладонь о салфетку небрежно, как вытирают кровь.

Свет в комнате угасал. И вместе с ним угасала иллюзия её свободы. Хрупкая, как пепел, которого ещё не коснулся ветер. Свобода, которая никогда не была настоящей. Которую я выдал ей, как фальшивую монету. И она приняла, не проверив на зуб.

Я знал: когда она вернётся, — а она вернётся, куда ей деться, — я снова надену маску. Лёгкую, ироничную, с тенью насмешки в уголках губ. Ту, что заставляла её верить, будто она что-то значила в этой игре, будто её ходы имели вес, будто её тело, её голос, её взгляд что-то меняли.

Но сейчас можно было быть собой: циничным, расчётливым, абсолютно неуязвимым.

Почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.